

УДК: 165.19

DOI 10.33514/1694-7851-2022-4-401-407

Бейшенова А.Т.

филос. илим. док., проф. м.а.

И. Арабаев атындагы Кыргыз мамлекеттик университети

Бейшенова А.Т.

док. филос. наук, и.о. проф.

Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева

Beishenova A.T.

Doctor of Philosophy, Acting Professor

Kyrgyz State University named after I. Arabaev

ЧЫНДЫКТЫН АЙРЫМ КӨЙГӨЙЛҮҮ АСПЕКТИЛЕРИ**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТИНЫ****SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE TRUTH**

Аннотация: Макалада чындык сыяктуу татаал философиялык категориянын айрым аспектилери каралат.

Негизги сөздөр: чындык, ишеним, ишеним менен чындыктын катышы, чындык теориялары.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты такой сложной философской категории, как истина.

Ключевые слова: истина, вера, соотношение веры и истины, теории истины.

Annotation: The article discusses some aspects of such a complex philosophical category as truth.

Keywords: truth, faith, correlation of faith and truth, theories of truth.

Предметом осмысления данной статьи является истина, но не истина вообще, а такая, какой она предстает или может предстать в гуманитарной области знания – в философии, истории, социологии, политологии и др.

Рамки статьи, само собой разумеется, не позволяют, даже в самых общих чертах, раскрыть суть рассматриваемой нами проблемы. Поэтому мы обратим внимание на некоторые грани истины, непосредственно связанные с природой самого познающего, т.е. человека.

Начнем с того, что категория истины является одной из основных, фундаментальных в научной сфере, поскольку она, по сути, является и целью, и средством, и инструментом познания действительности, которую невозможно не понять, не осмыслить должным образом, исходя из ложных представлений, положений и принципов. Именно данное обстоятельство способствовало тому, что люди, как только они научились мыслить, стали перед проблемой достоверности, истинности полученных ими знаний. По этой причине к настоящему времени существует множество теорий и концепций истины, каждая из которых выстраивается на собственной основе. Так, авторитарная теория истины исходит из доверия к авторитетному источнику, который признается основой и гарантом истинности тех или иных суждений, мыслей, высказываний. В отличие от данной теории когерентная теория ис-

тины настаивает на связности и непротиворечивости основополагающих критериев истины. Конвенциональная теория исходит из того, что истина является результатом соглашения, договоренности. В пределах корреспондентной теории истины последняя не чем иным, как соответствием фактам. Прагматическая теория истины сосредотачивает свое внимание на практической значимости итогов, результатов, которые были получены в процессе познания. В соответствии с корреспондентской концепцией истины последняя представляет собой соответствие мысли (высказывания) и действительности (вещи) или, что то же самое, представление, которое характеризуется предельной адекватностью, вполне совпадающее с действительностью. Существует также теория истины как формы очевидности, согласно которой истина – это ясное и отчетливое представление о чем-либо. С точки зрения когерентной теории истина – это основная черта сообщения, характеризующегося отсутствием противоречия, или свойство согласованности знаний, предполагающая, элементы, образующую ту или иную систему, находятся в соответствии, в согласии со всей системе. Если исходить из прагматической теории, то основным критерием истины является ее полезность, как и полезность знаний вообще. Другими словами, истинной является та мысль или сообщение, которое позволяет достичь определенного успеха, цели. Существует также целый ряд концепций истины, в пределах которых устанавливаются правила применения понятия «истина» в процессе разворачивания исследований. Так, согласно одной из таких теорий, именуемой перформативной, такие слова, как «истина», «истинный», «истинно» являются не чем иным, как перформативами, то есть речевыми актами, которые равноценны, тождественны поступку. В соответствии с марксистской концепцией, которой в течение почти что семидесяти лет руководствовалась советская гуманитарная мысль, истина представляет собой «адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его так, как он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания; объективное содержание чувственного, эмпирического опыта, понятий, идей, суждений, теорий, учений и целостной картины мира в диалектике её развития. Категория истины характеризует как результаты процесса познания, так и методы, с помощью которых осуществляется деятельность [1, с. 230].

Очевидно, что все вышеприведенные теории и концепции, которые, заметим, далеко не исчерпывают все существующие в настоящее время теории и концепции, с одной стороны, существенно разнятся между собой, а с другой – концентрируют свое внимание на той или иной стороне, грани истины. Однако такое изобилие теорий и концепций, количество которых постоянно множится, может поставить под сомнение само существование истины как таковой, а вернее, способности человека к достоверным суждениям. Человек может верить в то, что то или иное его суждение, мысль является истинной либо, напротив, не верить в это, из чего, однако, не может вытекать со всей необходимой убедительностью истинность или, наоборот, ложность его мысли. Таким образом, истина, как и знания вообще, с необходимостью становится в конечном счете результатом веры в истинность, а не является истиной самой по себе.

Известный русский религиозный и политический философ XX века, представитель экзистенциализма и персонализма Н.А. Бердяев в свое время рассматривал соотношение веры и знания. Он писал, в частности, следующее: «Существует три типических решения вопроса о взаимоотношении знания и веры, решения эти, несмотря на различия, сходятся в том, что одинаково признают коренную противоположность знания и веры, не ищут общей подпочвы в глубине. И потому типические решения эти предполагают выбирать между знанием и верой и неизбежно выбирают или знание, или веру, или известную пропорцию знания и известную пропорцию веры, взаимно друг друга ограничивающие» [2, с. 38]. При этом возможны так же три варианта их согласования, соотношения: «1) верховенство знания и отри-

цание веры, 2) верховенство веры и отрицание знания, 3) дуализм знания и веры» [2, с. 38]. Сам Н.А. Бердяев отрицал всякую возможность верховенства, преобладания знания над верой, так как знание, по его мнению, «не может уничтожить веру и заменить веру. Это прежде всего должно быть психологически признано» [2, с. 38]. «Психологию веры, – подмечал Н.А. Бердяев, – мы встречаем у самых крайних рационалистов, у самых фанатических сторонников научно-позитивного взгляда на мир... Люди “научного” сознания полны всякого рода вер и даже суеверий...» [2, с. 39] Дело, конечно, не в том, что «люди “научного” сознания полны всякого рода вер и даже суеверий», а в том, что «само психологическое состояние веры не упраздняется, оно остается в силе. Даже в единственность и верховенство научного знания можно лишь верить, научно, позитивно, доказательно нельзя утверждать этой самодержавности и окончательности науки» [2, с. 40]. Н.А. Бердяев настаивал на том, что почти «вся наука покоится на законе сохранения энергии; но закон сохранения энергии дан лишь вере, как и пресловутая атомистическая теория, на которой долгое время покоилось естествознание. Да и само существование внешнего мира утверждается лишь верой. Все ведь признают, что аксиомы недоказуемы, что они предмет веры, но как бы произвольной, обязательной, связывающей веры. Все исходное в знании недоказуемо, исходное непосредственно дано, в него верится. И все недоказуемое и непосредственное оказывается тверже доказуемого и выведенного. Все, в сущности, признают, что в основе знания лежит нечто более твердое, чем само знание, все вынуждены признать, что доказуемость дискурсивного мышления есть нечто вторичное и зыбкое... вся твердость знания в этой “вере” коренится. И потому нет оснований утверждать, что знание имеет преимущество перед верой. Знание питается тем, что дает вера, и различие тут в характере самой веры. Рационализм держится лишь тем, что не углубляется до первооснов, не восходит до истоков. В истоках же находим всегда веру» [2, с. 50–51].

Другими словами, та или иная мысль, суждения, концепция или теория является истинной в том случае, если мы верим в конечном счете в ее истинность. И следует признать, что это действительно так. Однако необходимо также признать, что, во-первых, истинность данного суждения распространяется и действует, имеет реальную силу в пределах конкретных субъектов, и, во-вторых, люди не могут, по сути, верить произвольно, как им заблагорассудится во что-либо, верить в то, во что им просто хочется верить, хотя в жизни это происходит довольно часто. Так, человек не верящий в Бога, едва ли начнет действительно веровать, если даже очень захочет этого, а человек неверующий перестанет веровать, если у него внезапно возникнет такое желание. В жизни, как правило, в вопросах веры, как, впрочем, и неверия, задействованы скрытые от нас самих достаточно сложные механизмы, которые у тому же у каждого конкретного человека носят достаточно специфический характер.

Указанная Н.А. Бердяевым зависимость знаний от веры, которая лежит в фундаменте знаний, не обесценивает ни знаний, ни самой веры. Тем не менее при таком их соотношении их взаимной связи каждая конкретная личность не только под воздействием внешних обстоятельств, социальной и культурной среды, но и под влиянием индивидуальных психических и прочих особенностей, черт вполне осознанно либо бессознательно, инстинктивно, произвольно отдает предпочтение вере перед знаниями или знаниям перед верой. При этом, на что следует обратить внимание, наличие у данной личности весьма внушительных по объему и качеству научных знаний, значительного аналитического дара, даже гениальности не является, как показывает опыт, определяющим в вопросе веры, предпочтения, доминирования безверия над верой. Так, такие общепризнанные гении, как Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Нильс Бор, Альберт Эйнштейн и многие другие выдающиеся люди, были глубоко верующими людьми, что отчасти можно объяснить тем, что, как справедливо указывал Н.А. Бердяев,

«у каждой живой души есть не только научное, но и метафизическое и мифологическое отношение к миру» [2, с. 40], и тем, что познание «протекает через дискурсивное мышление, но восходит к интуиции, опирается в элементарную веру, в обличие уже невидимой вещи» [2, с. 49–50].

Среди выдающихся ученых следует упомянуть также Омара Хайяма, обладавшего и по современным меркам глубокими энциклопедическими знаниями. Несмотря на то, что массовом современном сознании Хайям существует как выдающийся поэт, сочинитель нескольких сот рубаи, тем не менее он был выдающимся ученым, причем в нескольких отраслях знаний. Он был великим математиком, астрономом, физиком и философом. Среди множества сохранившихся научных трудов, написанных Хайямом, следует упомянуть такие, как «Трактат о бытии и долженствовании», «Ответ на три вопроса: необходимость противоречия в мире, детерминизм и вечность», «Свет разума о предмете всеобщей науки», «Трактат о существовании», «Книга по требованию (Обо всем сущем)», «Трактат о доказательствах проблем алгебры и ал-мукабалы», «Астрономические таблицы Малик-шаха», «Трактат об истолковании темных положений у Евклида», «Трудности арифметики», «Весы мудрости, или Трактат об искусстве определения количества золота и серебра в сплавах из них». Еще в XI веке Хайям создал новую систему летоисчисления, которая была совершеннее не только тех, которые были до нее, но и тех, которые возникли намного позже, включая Григорианский календарь, который был введен пятью столетиями позже, в XVI веке, и содержал на момент введения годовую погрешность 26 секунд, а календарь Хайяма – 19 секунд. Впервые в истории человечества Хайям осуществил полную классификацию всех видов математических уравнений, содержащую в общей сложности 25 типов. Хайямом была разработана систематическая теория решения кубических уравнений, а также метод извлечения корней любых степеней из целых чисел. В определенных направлениях математики Хайям опередил европейскую научную мысль а пять-шесть веков. Так, разработанный им метод извлечения корней опирается в том числе на формулу, которая известна в современной школьной программе как бином Ньютона [3]. Однако, не только вопреки внушительным знаниям, но, судя по всему, благодаря им, Хайям весьма скептически относился к способности человека постигнуть истину. Более того, чем больше он узнавал о действительности, тем более укреплялся в данном мнении. По всей видимости, независимо от Сократа, которому приписывают хорошо известную мысль: «Я знаю только то, что ничего не знаю», Хайям высказал следующую мысль:

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! –
Вот последняя правда, открытая мной [4, с. 144].

Словно, следуя мысли из Экклезиаста «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь», Хайям писал:

Так как истина вечно уходит из рук –
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук [4, 154].

Следует уточнить, что Хайям, будучи выдающимся ученым, не отрицал ценность научных знаний. Иначе он перестал бы заниматься наукой. Его скептицизм объясняется, как нам представляется, не бесплодностью науки, как и знаний вообще. Знания, если они действи-

тельно являются таковыми, никогда не были и не будут бесполезными. Это принципиальное свойство знаний. Однако суть в том, что знания и истина не тождественны, хотя между ними существует тесная связь и определенная взаимозависимость. Хайям, которые посвятил всю свою жизнь поискам истины, вполне, как нам кажется, отдавал себе отчет в практической ценности знаний. Он писал:

Я познания сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом,
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом [4, с. 109].

Хайям ставил под сомнение способность постигнуть именно истину. Он писал:

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим [4, с. 149].

Все, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна [4, с. 113].

Хайям, несмотря на его глубокий скепсис, который вообще свойствен научной форме познания и мировоззрения, был глубоко верующий человек, о чем свидетельствует, в частности, следующее четверостишие:

Есть ли Бог или нет – даже думать грешно,
Эти споры до нас разрешили давно.
Не сравнишься ты с Богом, бунтующий грешник,
И понять тебе сущность его не дано [4, с. 30].

В сущности, Хайям ставит знак тождества между Богом и истиной, сутью. Бог, по Хайяму, – это и есть суть, истина, которые недоступны человеку. В основу модели мира и бытия Хайям положил идею творения и безусловного господства Бога – Абсолюта, о чем свидетельствует следующее рубаи:

В мире временном, сущность которого – тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен.
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен [4, с. 185].

Современная наука не то, что бы отрицает Бога, но вполне закономерно и целесообразно исходит из предположения отсутствия сверхъестественного, поскольку последнее, уже в силу своего определения, не поддается ни выявлению, ни описанию. Методологическая база науки теряет свою плодотворность, а наука всякий смысл, как только начинает исходить из предположения вмешательства в естественный ход событий сверхъестественного, которое

непостижимо. Следует, однако, уточнить, что наука, строя свои гипотезы, доводы и теории, не настаивает на том, что способна постигнуть сущность, хотя и настойчиво пытается сделать это. Уточним также, что сущность – это философский термин, обозначающий наиболее существенные (постоянные и определяющие) свойства предмета, объекта. Согласно одному из определений сущность представляет собой «внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия» [1, с. 230]. Сущность – это то, что составляет смысл, содержание конкретной вещи, то, что данная вещь есть сама по себе, в отличие от всех прочих вещей и в отличие от изменчивых, текущих состояний вещи. Однако если исходить из того, что сущность непостижима, то возникает правомерный вопрос, чем тогда занимается наука и какой действительный метод лежит в ее основе? Что делает науку такой притягательной и могущественной, плодотворной, действенной?

В свое время Ф. Ницше дал в свое время достаточно подробный и полный ответ на первый из выше поставленных вопросов. «Мы называем это “объяснением”, – писал он, – но это – “описание”: то, что отличает нас от более древних ступеней познания и науки. Мы описываем лучше, а объяснения наши столь же никчемны, как и у всех прежних людей. Мы открыли многократную последовательность там, где наивный человек и исследователь, принадлежащий к более древним культурам, видел лишь двоякое, “причину” и “следствие”, как было принято говорить; мы довели до совершенства образ становления, но не вышли за рамки самого образа. Во всяком случае, ряд “причин” предстает нам в гораздо более законченном виде; мы заключаем: вот это должно сначала произойти, дабы впоследствии вон то, – но при этом мы не понимаем ровным счетом ничего. Качество, например, при каждом химическом соединении по-прежнему выглядит “чудом”, как и всякое поступательное движение; никто еще толком не “объяснил” толчка. Да и как могли бы мы объяснить его! Мы оперируем сплошь и рядом несуществующими вещами: линиями, поверхностями, телами, атомами, делимыми временами, делимыми пространствами – какое тут может быть еще объяснение, когда мы заведомо все превращаем в образ, наш образ!» [5, с. 586]

Само собой разумеется, наши объяснения, говоря словами Ф. Ницше, «столь же никчемны, как и у всех прежних людей», однако исключительно с точки зрения сути происходящего, которая, как и в прежние времена, «по-прежнему выглядит “чудом”, как и всякое поступательное движение». Суть действительно остается вне нашего понимания. Тем не менее все обстоит несколько иначе с точки зрения практических последствий этих объяснений, которые позволяют использовать полученные знания гораздо более плодотворным образом по сравнению с прежними знаниями и объяснениями. Наука, настойчиво и систематически применяя имеющийся в ее распоряжении весь богатый арсенал различных средств, качество и объем которых постоянно возрастают, на практике всегда двигалась в сторону выявления все большего количества связей и взаимозависимостей, стремясь довести до предела, «до совершенства образ становления», при этом практика, а вернее, практические последствия выступали и выступают в качестве критерия истинности той или иной научной гипотезы, утверждения, положения и т.д. Наука на деле всегда занималась оптимизацией и усложнением своих описательных, дескриптивных методов, и чем совершеннее, глубже, подробнее и точнее были эти методы, тем более значительными были ее достижения. Чем эффективнее и плодотворнее были эти методы, тем с большей достоверностью, истинностью можно было заключить, говоря словами Ф. Ницше, «вот это должно сначала произойти, дабы впоследствии вон то». В реальности человек может и не понимать сущности, поскольку непосредственно он имеет дело, сталкивается только с явлениями, и для того, чтобы действовать наиболее результативным образом, он должен знать последовательность возможных событий или, другими словами, «вот это должно сначала произойти, дабы впоследствии вон

то». Следует отметить, что описание событий, явлений, предметов может носить самые различные формы, в том числе математическую, физическую, физико-математическую, химическую, – словом, такую, которую принято определять как научную. И чем точнее и глубже описание, тем эффективнее его можно использовать в своей практической деятельности. Именно практика является тем инструментом проверки точности описания предмета или явления. Хорошо известен тезис К. Маркса о том, что практика является критерием истины. В развернутом виде данная мысль выглядит следующим образом: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» [6, с. 567]. Отметим попутно, что задолго до Маркса Леонардо да Винчи сказал следующую мысль: «Единственным критерием истины является опыт». Однако в строгом смысле практика, как и опыт, является критерием точности описания предмета или явления, последовательности событий, которые должны наступить, а не истины как таковой, потому что, выражаясь словами Ницше, «мы не понимаем ровным счетом ничего». Таким образом, вопрос о сущности, а с ней вопрос и об истине остается открытым. Однако поле для деятельности и поиска истины или, если угодно, того, что человек склонен считать истиной, было и остается безграничным, и значение науки в деятельности человека и бесконечном поиске невозможно переоценить, и в первую очередь в практическом плане, с точки зрения пользы полученных знаний, причем как в естественном, так и гуманитарном направлении. Но следует иметь в виду, что в гуманитарных научных дисциплинах проблема достоверности знаний, в отличие от естественно-научного опыта и знаний, имеет ряд специфических черт, особенностей, которые всегда следует иметь в виду.

Выше мы упоминали конвенциональную теорию истины, которая, как было сказано, исходит из того, что истина является результатом соглашения, договоренности. Говоря иначе, истина есть согласие, одинаковый взгляд если не всех, то многих на одно и то же. Однако очевидно, что такая договоренность, согласие не являются результатом простого желания, целесообразности и стремления прийти к единогласию. Такое согласие имеет своей основой длительную и множество раз подтвержденную практику. Но если в естественных науках, где предметом осмысления выступает природа в целом, практика не отягощена человеческой сущностью, ментальными и культурными особенностями людей, их интересами, изъятиями и т.д., то гуманитарные науки имеют дело именно с человеческой сущностью, ментальными и культурными особенностями людей, их интересами, изъятиями и т.д., что существенно усложняет как процесс познания, так и поиск истины, независимо от того, что бы под ней не понималось.

Список использованных источников:

1. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 1989.
3. Султанов Ш.З., Султанов К.З. Омар Хайям. – М., 1987.
4. Лирика Востока: Переводы / Сост. и вступ. Ст. М.А. Курганцева. – М., 1983.
5. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – М., 1997. – Т. 1. – С. 586.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М., 1956. – С. 567–569.

Рецензент: док. филос. наук Стамова Р.Д.